

Культура

Писатель, журналист и издатель Николай Матвеев в России и Японии

© 2016

А.А. Хисамутдинов

Статья посвящена русскому журналисту и литератору Николаю Петровичу Матвееву (1865–1941), уроженцу г. Хакодате, оставившему большой след в японоведении. На основании зарубежных источников дан анализ его публикаций о Японии и деятельности российской эмиграции в этой стране.

Ключевые слова: Н.П. Матвеев, русские в Японии, российское японоведение, российская эмиграция.

В истории российского Дальнего Востока имя Николая Петровича Матвеева занимает особое место. Судьбе было угодно, чтобы он стал первым русским ребенком, который родился в Японии. История также распорядилась, чтобы он и закончил свою жизнь в Стране восходящего солнца. Как журналист, литератор и издатель Матвеев многое сделал для культурного развития далекой окраины России. По названию великой дальневосточной реки он взял псевдоним Амурский, под которым опубликовал большое количество статей и стихов. К сожалению, до сего времени не составлена библиография работ Матвеева, а некоторые его произведения в России утрачены навсегда. Николай Петрович также внес большой вклад в российское японоведение.

10 ноября 1865 г. в семье консульского лекаря П.М. Матвеева родился сын. С ним, едва ли не первым европейцем, появившимся на свет на Хоккайдо, произошел трагикомичный случай: кормилица-японка украла маленького Колю и ходила с ним по деревням, показывая всем русского мальчика. Он с молоком кормилицы воспринял любовь к Стране восходящего солнца и сохранил ее на всю жизнь. Про обстоятельства своего рождения Николай Петрович Матвеев узнал уже 37-летним от владыки Николая, крестившего его в Хакодате, во время встречи с ним 29 ноября (12 декабря) 1902 г. «Рассказал ему, — писал священник, — как мать мучилась родами и чуть не умерла (она была в беспомощности, и сама не знает, а отец его умер, когда он был маленьким, так что мой рассказ был для него новостью»¹.

В 1868 г. трехлетний Николай Матвеев переехал с родителями во Владивосток. Он получил образование во Владивостокской портовой школе, затем работал мастером в портовых мастерских. Своим жизненным принципом он всегда считал упорный

Хисамутдинов Амир Александрович, доктор исторических наук, профессор Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: khisamut@yahoo.com.

труд и постоянное самообразование. В молодости Н. Матвеев сотрудничал в газете «Восточный вестник», а затем и в газете «Владивосток». Вскоре его заметки и обширные статьи стали появляться в различных дальневосточных и сибирских изданиях. Матвеев подписывал их разными псевдонимами: Николай Амурский, Н.А., Краб, Н. Э-ский, Странник, Гейне из Глуховки и т.д.

Наступление нового века совпало со знаменательным событием в жизни Матвеева — вышел в свет первый сборник его стихов. По современным меркам, его вряд ли можно считать удачным, но тем не менее книга нашла своего читателя и разошлась очень быстро. Николай Петрович подготовил и путеводитель по Японии, напечатанный в 1902 г.

В 1902 г. Н.П. Матвеев проехал через всю Японию от Хакодате до Нагасаки. Побывал он и в Кобе. Полученными впечатлениями он поделился с читателями «Владивостока», отдавая должное вежливости и предупредительности японцев. «Ни на людных городских улицах, — писал Матвеев, — где я нередко бродил один и днем, и ночью, ни в театре, ни при осмотре разнообразных достопримечательностей, иногда находящихся в очень темных местах, ни на пароходах, ни на железных дорогах, нигде и ни разу не слышал какой-либо грубости, хотя везде и всегда говорил, что я русский. Наоборот, везде и всегда японцы старались превзойти себя в вежливости. Вздумалось ли мне пойти посмотреть их храмы, больницы, заводы, типографии и т.д., они меня всюду и всегда водили и все показывали. Случалось, что сразу, только что познакомившись, они настойчиво приглашали остановиться у них, а не в гостинице. Нередко, когда на многолюдных станциях я невольно терялся, не обладая японским языком, сами служащие, видя, что иностранец смущается, приходили мне на помощь»².

В 1904 г. известный российский издатель И.Д. Сытин выпустил в свет прозаический сборник Матвеева — книгу «Уссурийские рассказы». Книга знакомила русских читателей с бытом и обычаями жителей далекого Приморья.

В ноябре 1905 г., как только окончилась Русско-японская война, Николай Петрович снова отправился в Японию, на этот раз для лечения 11-летней дочери Зои. Он побывал в Нагасаки, встретился с Н.К. Русселем, подбирал материалы о Японии. 15 декабря 1905 г. посетил издательство газеты «Фукуока нити-нити». Вероятно, во время этой поездки у Н.П. Матвеева возникла идея опубликовать сборник своих стихов на японском языке, который увидел свет через три года.

Мечта Матвеева о редакторском кресле осуществилась, когда он начал выпускать собственный журнал «Природа и люди Дальнего Востока». Николай Петрович писал: «Весь Приморский край мне хорошо известен. А ведь это большой плюс. Начиная в наших углах какое-либо издание, нельзя первое время надеяться на многих сотрудников. Я уже редактировал газету и знаю, что дальневосточный редактор должен не только подбирать материал для печати, но и сам писать статьи, корректировать их, подчас стоять над версткой номера, заведовать продажей газеты. Ко всему этому прибавьте самое главное: вечно думать, что вот-вот наборщики загуляют, заменить их некому, номер издания может своевременно не выйти! Зная все это, я все же приступаю к изданию журнала. Я уже получил из Петербурга и Москвы ряд клише, изготовленных с моих фотографий, иллюстрирующих жизнь нашего края. Внешностью мой журнал будет походить на “Ниву”, содержанием же на сойкинский журнал “Природа и люди”. Много, много предстоит мне работы впереди»³.

О программе первого журнала на дальневосточной земле Матвеев сообщил в рекламе, напечатанной в некоторых газетах Владивостока: «Всестороннее ознакомление русского общества с природой, людьми и жизнью их на Дальнем Востоке. Руководящая идея — сближение всех, живущих здесь, как равных друг другу народов, устранение всего того, что порождает взаимное недоверие, вражду и угрожает в будущем новыми потоками крови. В вопросах русской жизни журнал будет примыкать к наиболее радикальным элементам общества»⁴. Матвеев вынашивал идею с помощью журналистики сблизить на-

роды, населяющие соседние с Приморьем страны, — Китай, Японию, Корею. Он был настоящим энциклопедистом в том, что касалось этих стран, и понимал, что у народов, населяющих Дальний Восток, много общего. В матвеевском журнале мы находим очерки о тех людях, с которыми судьба сводила редактора-издателя в разные годы его жизни: о бывшем политкаторжанине Л.Я. Штернберге, впоследствии известном ученом-этнографе, Б.П. Пилсудском, Н.В. Ремезове, Ю.П. Ювачеве (Миролюбове), ссыльном морском офицере, авторе нашедшей книгу «Восемь лет на Сахалине» и многих других.

Чтобы журнал был рентабельным, Матвееву приходилось экономить на всем. Не имея возможности выплачивать авторам гонорар, большинство материалов для журнала он писал сам. По этой же причине старшие его сыновья работали на типографской машине, они же разносили журнал подписчикам. Дела в издательстве шли неплохо, журнал быстро раскупался, но через семь месяцев после выхода в свет первого номера читатели вместо ожидаемого 28-го получили извещение следующего содержания: «От редакции журнала “Природа и люди Дальнего Востока”. По независящим от редакции обстоятельствам в выпуске журнала произойдет некоторая задержка. Срок подписки по окончании нее будет соответственно удлинён»⁵.

Причиной задержки очередного номера был арест Матвеева, когда он через Оба Касаку получал привезенные из Японии клише для своего журнала. Они оказались завернуты в листы бумаги с нелегальным содержанием. Оба Касаку писал об этом так: «Во время войны в Японию приехал доктор Рассел (Н.К. Руссель-Судзиловский. — А.Х.), представитель социал-демократической партии, старый человек по возрасту, но очень энергичный. Он попросил меня отправить во Владивосток для военных репатриированных какие-нибудь пропагандистские материалы этой партии, оказать помощь в распространении их. После наступления мира я первым пароходом “Хозан-мару” под видом груза привез эти материалы и был схвачен сразу же по прибытии. Старая императорская Россия была государством с хорошо отлаженной системой политического сыска. Не прошло часа или полутора после прибытия в порт Владивосток, как появились несколько жандармов и полицейских и выразили желание сопровождать меня до таможни. У ее дверей стояли вооруженные часовые. Переступив порог, я увидел разбросанные пропагандистские материалы. Ящик был разбит и выброшен»⁶.

С целью облегчить участь Матвеева Руссель-Судзиловский напечатал следующее заявление: «Редакция “Воли” никогда не состояла в каких-либо конспиративных отношениях с Н.П. Матвеевым, никогда его адресом не пользовалась, не имея в этом решительно никакой нужды, т.к. сношения с Владивостоком вполне оборудованы при помощи организации, к которой Матвеев никогда не принадлежал»⁷. Это не помогло. Японца из русской тюрьмы выпустили быстро, а Н.П. Матвеев просидел в ней около года.

В аресте Матвеева невольно оказался повинен и его хороший знакомый Б.О. Пилсудский. В свое время он послал Матвееву корзину с книгами, а письмо об этом, написанное позже и к тому же по чьей-то ошибке задержавшееся в пути, пришло во Владивосток, когда Николай Петрович был уже арестован, и вместо него оказалось в руках судебных властей. На гауптвахту к Матвееву явился судья и спрашивает:

— Что Вы ожидаете получить от Пилсудского?

Подумав, Матвеев ответил:

— Может, сверток с рукописью или клише.

— А больше ничего не ожидаете?

— Нет...

То ли он забыл о корзине с книгами, полученными от Пилсудского, то ли не придал этому значения.

Г. Госткевич писал Пилсудскому в мае 1907 г.: «В том самом письме был и для меня листочек, как говорит Ник[олай] Петр[ович], его допрашивали и обо мне, и он очень опасался, чтобы меня не арестовали и не притянули к его делу. Поначалу он даже не хотел

говорить, кто я, однако, поразмыслив, сказал. Когда ему вручили обвинительный акт, так он в суде просмотрел целое “дело”, и к нему Ваше письмо не было подшито. Он подумал, что и власти не придали этому значения, иначе он бы старался Вашими предыдущими письмами доказать, что они не имеют ничего общего с корзиной, присланной из Нагасаки, в которой оказалась нелегальная литература и за которую он был арестован. Вот на суде во время следствия прокурор вытаскивает Ваше письмо и говорит: “Вот доказательство: в этом письме идет речь о корзине с книгами!” Было бы смешно, когда бы не было так грустно. Матвеев уже не мог тогда доказать, что это мистификация — уже было поздно, его уже “законопатили” на полтора года. Как это бывает иногда, стечение обстоятельств. Вы пишете в письме о корзине с книгами и здесь находят корзину с книгами, нелегальной литературой. Понятно, что это правдоподобно, и если принять во внимание, что вы политический и как раз проживающий за границей, а еще у Вас такой недостаток, что на письмах Вы никогда не указываете дату, то власти были уверены, что это Вы»⁸.

Выйдя на волю в декабре 1907 г., Матвеев не вернулся к журналу, а стал корреспондентом газеты «Далекая окраина». Еще до ареста, 6 апреля 1906 г., он подавал губернатору заявление по поводу издания в Владивостоке еженедельной газеты «Далекий край», планируя печатать «телеграммы, передовые статьи по общим и местным вопросам, последние известия, хроника края и города, обозрение печати, статьи, касающиеся соседних стран, статьи под крупными заголовками, корреспонденции, фельетоны, смесь, иллюстрации и объявления»⁹. Это заявление осталось без ответа.

Свободное от журналистики время Матвеев посвящал городской библиотеке имени Гоголя (ныне Приморская публичная библиотека им. А.М. Горького), которой заведовал на общественных началах. Матвеев заботился о расширении помещения под библиотеку, увеличении фондов. В двух номерах «Далекой окраины» за 1909 г. он опубликовал очерк об истории библиотеки, отметив тем самым ее 25-летие. Он был автором книги, посвященной 50-летию Владивостока, «Краткий исторический очерк г. Владивостока, 1860–1910 гг.» (Владивосток, 1910). По сей день ни одна работа по истории Владивостока не выходит без ссылок на нее. В этой книге немало страниц посвящено и жизни японцев во Владивостоке.

Владивостокская охранка следила за Николаем Петровичем вплоть до Февральской революции 1917 г. В агентурных сводках полиции отмечалось, что Матвеев является одним из руководителей местной организации социал-демократов.

22 июня 1909 г. в составе туристической группы учащихся редактор газеты «Далекая окраина» Д.П. Пантелеев и Н.П. Матвеев приехали в Цуруга с целью налаживания контактов между двумя странами после окончания Русско-японской войны. Они считали, что участие молодежи является особенно важным. За две недели экскурсанты объехали префектуры Кансай и Канто. Во время встречи в осакской женской гимназии «Юхиока» Николай Петрович сочинил стихи, посвященные японской девочке, и прочитал их во время ужина. После отъезда владивостокских туристов Матвеев остался в Японии и побывал в Кобе и Осака, где детально знакомился «с методами управления и эксплуатации в японских городах водопровода, канализаций, электролиний, строительством портов, организацией дела в детских садах, библиотеках, больницах, органах помощи больным»¹⁰.

В газете «Дальневосточная звезда» вышла его статья под названием «Первая поездка в Японию»¹¹. На следующий год в этой же газете Николай Петрович опубликовал статью «Русская прислуга в Японии», в которой рассказал о первых русских в Хакодате.

Николай Петрович часто ездил на свою вторую родину Японию. Его близкий друг и коллега Оба Касаку писал: «Однажды осенью он навестил меня в редакции газеты “Асахи” и сказал, что приехал утром этого дня. У меня было несколько билетов на выставку хризантем, и я его пригласил. По дороге Матвеев рассказывал, что собирается выступить с лекциями и рассказать о некоторых исследованиях в области трудовых вопросов Японии, но у него нет материалов о занятости японских женщин. Он попросил меня

заехать по дороге в книжный магазин Марузен. Я ответил, что таких книг, видимо, нет, так как проблема данная не затронула Японию. На это он рассмеялся, похлопал меня по плечу и сказал: “Не шути! Разве в Нагасаки не женщины грузят уголь на суда, а на строительных площадках разве не женщины с ребенком за спиной таскают кирпич? В Европе такую работу женщины не выполняют”. В книжный магазин мы заехали, но служащий сколько ни искал, но так и не нашел ничего по нужной теме. Матвеев был очень недоволен тем, что проблема женского труда в Японии никого не волнует, и высказал мне это. На выставке его заинтересовало название каждого цветка. Когда я не мог перевести, он сам пытался составить перевод из значений каждого отдельного иероглифа. Хорошо разбираясь в иероглифике, в сложных названиях хризантем он видел глубокий смысл¹².

26 июня 1911 г. газета «Асахи-симбун» опубликовала статью Матвеева «Японцы глазами русских». В ней он рассказал о жизни японцев во Владивостоке и сожалел, что торговые отношения до сих пор остаются слабыми. Причину он видел в эгоизме и подозрительности обоих народов и предлагал обратить внимание на туризм, с помощью которого люди двух стран могли лучше узнать друг друга.

Чтобы воплотить свои идеи в жизнь, в 1912 г. в своей типографии Николай Петрович издал путеводитель по Японии, составленный Аркадием Поповым, сотрудником владивостокской газеты «Восток». В книгу были включены путевые заметки тех, кто уже побывал в Японии. Сам он продолжал регулярно сотрудничать с японскими изданиями. В частности, журнал «Японо-российский торгово-промышленный вестник» (Нитиро дзицугё симпо) опубликовал его статью «Мнение русского человека о японо-русском договоре», в которой Матвеев вернулся к вопросу о том, что связывает народы Японии и России. В июне 1918 г. 4-й номер этого журнала опубликовал рассказы Матвеева «Русские новеллы», «Лебедь» и «Из жизни Южно-Уссурийского края», переведенные на японский язык.

Октябрьский переворот 1917 г. изменил жизнь Николая Петровича Матвеева. Вначале он устроился на работу начальником Приморского отделения Закупсбыта. Ему довелось еще раз побывать в Японии. В середине июля 1918 г. он приехал через Корею в Симоносеки, а 24 июля приехал в Осака, где организовал и возглавил осакское отделение Сибирского торгово-кооперативного товарищества. Оформив все сделки, 10 августа он вернулся из Цуруга во Владивосток. Японская полиция внимательно следила за всеми перемещениями Матвеева, собирая на него досье. 23 сентября он выехал из Осака в Цуруга, где, отправив груз, вновь вернулся в Осака. В это время он много публиковал статей в газете «Голос Приморья».

Во время Гражданской войны в России Матвеев был вынужден срочно перебраться в Японию: зная о его политических симпатиях, ему угрожали и правые, и левые. Тогда ему казалось, что это будет временная отлучка, а получилось навсегда...

Почти месяц Матвеевы провели в Цуруга, а в июле 1919 г. переехали в Осака, где прожили почти три года. В этом районе открылось несколько издательств, которые стали специализироваться на выпуске литературы для нужд русских эмигрантов, они издавали учебники, буквари и другую литературу. В Кобе имелаась электротиполитоцинография «Спутник».

Журналистикой было не прожить и Матвеев решил заняться любимым издательским делом. Тем более, что в это время в Осака уже имелаась типография с русским шрифтом. Его планы были обширны: от издания детских книг и литературных произведений до словарей и справочников. Предполагая, что Приморье испытывает проблемы с книгопечатанием, он хотел наладить издание книг для Владивостока. А если дело пойдет хорошо, то можно было бы печатать книги и для Токио.

С этой целью в Осака было организовано издательство «Мир», где и увидели свет книги Н.П. Матвеева. Предполагают, что он издал «Русско-китайский словарь», «Хрестоматию для чтения», небольшой сборник стихов А.С. Пушкина.

По горячим следам зверств банд Якова Тряпицына Матвеев побывал в Николаевске-на-Амуре и постарался описать увиденное и услышанное. Возвращаясь домой, он вновь заехал в Хакодате, с которым был связан кровными узами.

В Японии Николай Петрович продолжил активно заниматься журналистикой, был представителем журнала «Русский Дальний Восток» в Осака, писал статьи для американских изданий. Много Матвеев размышлял о том, почему установилась советская власть в России. Об этом рассказывает и его статья «Большевики» в газете «Осака майнити-симбун», увидевшая свет 28 и 29 августа 1919 г., и другие работы.

1 апреля 1922 г., когда уже окончательно стала ясной неизбежность поражения Белого Приморья, Матвеев переехал с семьей в Хёго (Кобе). Его занятия почти целиком были посвящены книжной торговле.

Почти все русские интеллигенты, приезжающие в район Кансай, получали приют в доме Матвеевых. Летом 1923 г. в Японию приехал на два месяца писатель С.Г. Скиталец, который остановился у Николай Петровича. 15 и 16 июля 1923 г. он прочел в Институте культуры лекции «Русский современный литературный мир» и «Ленин и Плеханов глазами литераторов», которые были организованы газетой «Осака майнити-симбун». В 1928 г. в Нагоя вышла на японском языке книга Скитальца, в которой он вспоминал о Горьком, Толстом, Михайловском, Андрееве, Шалапине, Ленине и Плеханове. Возможно, в издании этой книги помог Н.П. Матвеев.

В 1935 г. он участвовал в литературном кружке русских эмигрантов, который выпустил под редакцией М.П. Григорьева сборник «На Востоке». В нем была опубликована работа Н.П. Матвеева «Старые поэты Японии».

Журналистика и литературная работа не давали больших доходов, зарабатывать на жизнь приходилось другим путем. Каким же? Ответ на этот вопрос содержится в письме Веры Малининой: «Я хорошо помню Николая Петровича Матвеева. Он здесь, в Коба, занимался книжным делом. Он умел доставать русские книги. Насколько я помню, он иногда ездил в Токио, где было много магазинов со старыми книгами, и он их покупал и привозил продавать. Я не помню, как он доставал другие книги, может быть, из Харбина, так как, как Вы знаете, он посылал статьи в журнал “Рубеж”. Он часто приходил к нам в дом с книгами, и у нас было куплено много полных собраний сочинений русских писателей»¹³.

В 1940 г. Николай Петрович писал: «Живу в Ниппоне уже двадцать лет, занимаюсь корреспондированием и книжной торговлей (Продавал русские книги. Тем же занимаюсь и сейчас, хотя очень состарился (мне пошел 75-й годок) и сильно болею»¹⁴. Несмотря на возраст, Матвеев регулярно объезжал всю Японию, заглядывая в самые глухие места, где жили русские. О том, чем они занимались на Хоккайдо, Н.П. Матвеев писал: «Вследствие небольшой площади островов в сравнении с огромным населением Ниппон очень небогат пушным зверем, и местные торговцы пушниной почти весь свой товар получают из-за границы; в частности, много пушнины шло в Ниппон из русского Приамурья. Некоторые ниппонские пушнинники десятки лет жили и работали на русском Дальнем Востоке. Но с приходом большевиков иностранным пушнинникам работать там стало невозможно. Естественно, что в результате создавшихся затруднений родилась мысль прибегнуть и в Ниппоне к искусственному разведению некоторых пород пушных зверей, как это делается во многих странах мира. Среди русских самая большая ферма на Сахалине принадлежит Крылову: у него до 80 лисиц. Из принадлежащих русским беженцам татарам известна ферма Кудашева, имеющая свыше тридцати лисиц. Сахалинские лисицы считаются лучше хоккайдских: их шерсть длиннее, мягче, шелковистее. Впрочем, на Хоккайдо, около Саппоро имеется ферма Волхонцева и Авлова, насчитывающая до 42 лисиц. Даже беглое ознакомление с искусственным разведением лисиц убеждает в том, что дело это будет развиваться, и для русских эмигрантов, особенно специалистов, быв-

ших сибирских и российских пушнинников, оно представляет большие возможности приложить свой труд»¹⁵.

Кобе, где жил Н.П. Матвеев, был одним из городов с многочисленной русской общиной. Он писал: «Я, естественно, лучше знаком с жизнью русских во втором районе Кобе, Осака и Киото. Здесь русских граждан около 400 человек. Больше всего было русских, за ними шли татары, евреи и другие. Главнейшие занятия эмигрантов в Японии — торговля из магазинов и вразнос, ремесла, коммиссионная деятельность, служба в иностранных и японских предприятиях и, наконец, артистическая деятельность, музыка, пение, танцы, цирковая работа и пр.»¹⁶.

Первым общественным формированием стало Общество русских эмигрантов в Японии. Впоследствии здесь существовало девять русских общественных организаций. Наиболее крупными были Эмигрантское объединение (Общество русских эмигрантов), Благотворительное дамское общество, Хоровая студия, приходской совет Успенно-Богородицкой церкви и сестричество. Самым основательным из них было Эмигрантское объединение, насчитывавшее около 30 человек. Общие собрания обычно проводились один раз в год. Объединение оказывало большую помощь бежавшим из Советской России, переправляя их в Маньчжурию. Оно помогало деньгами русским школам, организовывало детские утренники, создавало кружки молодежи, которые, правда, оказались недолговечными. Основной деятельностью Эмигрантского объединения была выдача денежных ссуд своим членам.

О «Кружке русской молодежи в Кобе» Николай Петрович писал: «На днях отпраздновал свою первую годовщину “Кружок русской молодежи в Кобе”. В Японии вообще, живет сравнительно немного русских. Естественно поэтому, что и кружок молодежи немногочислен, всего около двух десятков членов. Цели кружка — культурно-просветительские, осуществляемые под контролем “Общества русских эмигрантов в Японии”. Кружок устраивает свои вечера, пользующиеся большими симпатиями всей эмигрантской колонии, имеет свой струнный оркестр, занимается самообразованием, литературой, живописью... Большинство членов кружка занято весь день на службе или работе, и в помещении кружка собираются только по вечерам уставшие за день. Тем не менее, работа продвигается, и кружок сумел объединить большинство русской молодежи в Кобе»¹⁷.

Жизнь русских эмигрантов в Японии была непростой. «Небольшая численно русская эмиграция в Ниппоне, — писал Н.П. Матвеев, — не испытывала особенно тяжелых лишений, какие выпали на долю русских эмигрантов в большинстве других стран. Но, все же и ей в борьбе за существование, приходилось браться за всякий, подчас, очень нелегкий труд. Очень многие здесь занимались торговлей в разнос... С тяжелыми тюками на плечах, с узлами и чемоданами в руках, наполненными материей, готовыми платьями или «канемоно», то есть металлическими изделиями, русские эмигранты обходили из края в край весь Ниппон, все его острова. Несколько лет такой работы и редкий работник оставался здоровым: наживали чахотку и другие болезни; были случаи преждевременной смерти, казавшихся с виду совершенно здоровыми. Между тем, у многих из них были семьи, от 3 до 6 человек, которых надо было и кормить, и обучать, и нередко лечить. Если при нормальных условиях еще удавалось сводить концы с концами, то каждое осложнение, хотя бы легкая и кратковременная болезнь, выбивало семью из колеи, и ей приходилось испытывать большие затруднения. Обойтись в таком положении без посторонней помощи было невозможно, и русские эмигранты иногда пользовались помощью от местного иностранного женского общества»¹⁸.

Вынести все тяготы эмигрантской жизни помогало Дамское благотворительное общество, возникшее в 1932 г. Первыми председателями были К.В. Компанион, А.В. Борисова, затем К.А. Щелкова. Организация существовала на членские взносы и пожертвования. Матвеев писал: «Скромно, очень скромно живут в зарубежье родной страны сотни тысяч и миллионы русских эмигрантов. Но всюду, где их есть хоть несколько семей, су-

ществуют, и организации, при посредстве которых более состоятельные оказывают поддержку своим менее удачливым в жизни соотечественникам. В Кобе (Япония) существует небольшая русская колония и в ней видную роль играет Русский дамский благотворительный кружок, расходующий собираемые средства на лечение больных, на выдачу пособий престарелым, на похороны и т.д.»¹⁹.

Большое значение русские женщины придавали воспитанию подрастающего поколения. «У эмигрантов, живущих в Кобе, как и прошлые годы, явилось желание устроить для детей елку. Группа лиц в составе: госпожи Заорская, Кривушина, Иванова, Кар и Братухина и господ Швалева и некоторых других, собрали некоторые средства, игрушки, вещи и продукты и организовали елку. Некоторую помощь оказало и местное эмигрантское объединение. Публики собралось около 80 человек, из них около половины — детей. В программе приняли участие наравне с детьми и взрослые. Так, известная певица Карасулова исполнила, к общему удовольствию всей публики, несколько детских песенок. Сами дети весело играли, декламировали стихи, пели, танцевали, водили хоровод. Детям было дано угощение и розданы сласти и подарки. Словом, хоть и скромно, но обычай родной старины был соблюден, и маленькая эмигрантская семья провела несколько часов в дружеском единении около своих детей»²⁰. Николай Петрович обращал внимание и на то, как японцы воспитывают своих детей.

Наиболее молодым объединением русских эмигрантов была хоровая студия, основанная в 1936 г. Инициатором ее создания был приглашенный из Харбина регент Успенно-Богородицкой церкви К.А. Андреев. Ему удалось организовать любительский хор, который впервые и очень удачно выступил на вечере памяти А.С. Пушкина. В дальнейшем хор постоянно принимал участие в детских утренниках.

Николай Петрович был прихожанином «Новой церкви», о которой писал: «Этот молитвенный дом называется “новой церковью” в отличие от другой, имеющейся в Кобе русской православной церкви, возникшей ранее и объединившей первоначально всех местных эмигрантов. О причинах, послуживших к расколу и созданию “новой церкви”, в свое время писалось в газетах. Суть заключается в следующем. Архиепископ Японский Сергей однажды в Токийском соборе произнес проповедь, содержание которой мало соответствовало установившемуся среди эмигрантов понятию дел в Советской России. Из его слов выходило, что положение это вполне приемлемо. Многие из прихожан были возмущены этой проповедью и протестовали в письменной форме. Почти в то же время выяснилось, что архиепископ Сергей возведен Московской духовной властью в сан митрополита. Таким образом, эмиграция, отрицающая нынешнее советское правительство, должна было подчиниться духовной власти, поставленной Московской советской властью. Существующая в Кобе православная церковь открыта с благословения архиепископа Сергея и ему подчинена. Отойти от нее настоятель этой церкви не пожелал, часть прихожан нашла неудобным оставаться и образовала новый приход, подчиняющийся заграничной Антониевской церкви. Таким образом, создан молитвенный дом, носящий название “Новой церкви”. По приблизительному подсчету в Кобе проживает эмигрантов около 350 человек, считая жен и детей»²¹.

О своих друзьях мусульманах — выходцах из России Николай Петрович писал: «Распространению магометанства в Ниппоне несколько способствовала и... русская революция, разогнавшая по всему свету среди миллионов русских граждан, также и магометан — татар. Сотни последних поселились в Ниппоне и стали здесь пионерами нового для страны Восходящего солнца вида торговли, торговля “с рук”, в разнос, отрезами материи для костюмов. Они ведут эту торговлю вот уже восемнадцать лет, сильно расширив дело, обзаведясь с течением времени недвижимым имуществом, магазинами, мастерскими и пр. У них довольно обширные связи с ниппонским торговым миром. Словом, если ниппонцы сумели завязать обширные связи со всем азиатским миром, то и представители этого мира, магометане, завели прочные связи в Ниппоне»²².

Появились первые мусульманские общественные организации, школы и мечети. «В Токио они существуют уже несколько лет, — писал Матвеев. — Там, преимущественно на средства, собранные среди магометян, бывших российских граждан, построен большой деревянный дом, в котором помещаются мечеть и школа. Но еще более солидное здание мечети и школы при ней создано у нас в Кобе».

Мусульманство было очень редким явлением среди японцев: до 1920 г. едва ли по всей стране набрался бы один десяток мусульман. Сильным толчком в росте мусульманского населения в Японии стала революция в России. В основном первыми эмигрантами стали татары. Поначалу они занимались торговлей вразнос с лотков, но некоторые смогли быстро расширить свое дело, приобрести недвижимость и открыть магазины. К концу 1937 г. в Японии насчитывалось уже около двух тысяч мусульман. Одной из причин было и то, что Япония расширила свое влияние в странах азиатского региона, где ислам был широко распространен. Торговцы из Японии потянулись в эти страны, но и от туда пошел обратный поток в Страну восходящего солнца.

В 1935 г. в Мукдене собрался съезд дальневосточных мусульман, на котором был избран духовный глава, муфтий тюрко-татар М. Шамгуни. Местом своего жительства он избрал Кобе. Шамгуни много разъезжал по Японии, Маньчжурии, Китаю и Корее. Инициатором постройки мечети в Кобе был А.К. Бохия. В состав строительного комитета вошли мулла Шамгуни, П. Мастер, А.С. Дама, А. Сатур-Ахмед, Г. Агирзиу, Г. Гафар и предприниматель Ферозуддин, выделивший больше всего средств на строительство здания. Мусульмане не только собрали средства, но и приобрели недвижимость, которая давала хороший доход. Матвеев подчеркивал, что русские татары отличались большой активностью, хотя их материальное положение было не таким завидным, как у выходцев из других стран. В это время председателем собрания татар-эмигрантов был Азис-Али.

В 1930-е гг. в Японии был очень популярен русский театр. В Кобе несколько лет работала театральная контора Б. Андреева. Она организовывала гастрольные поездки по Японии русских артистов из Китая и Америки. Широкой известностью пользовалась труппа «Metro-Variety», состоявшая из четырех сестер Данилевских, дуэта Дворжек (арфа и скрипка) и итальянских певцов.

Не отставали от заезжих артистов и местные художественные силы. В 1930 г. отпраздновал первую годовщину своей деятельности Кружок русской эмигрантской молодежи в Кобе. Около двух десятков человек поставили несколько просветительских концертов и спектаклей. Большую помощь в этом им оказало Общество русских эмигрантов в Японии. Кружок имел собственный струнный оркестр. Не редкостью были вечера самообразования, на которых эмигранты занимались литературой и живописью. Денег не хватало, и многие эмигрантские общества обращались за помощью к иностранным благотворительным организациям.

10 февраля 1937 г. русские эмигранты в Кобе торжественно отметили столетие со дня смерти А.С. Пушкина. Для литературно-вокального вечера был арендован огромный зал Кай-им-канкан, где собрались не только русские, но и почти вся иностранная колония города. Не остались в стороне и японские любители творчества знаменитого поэта. Большой доклад о Пушкине сделал А.Л. Ломаев. Н.П. Матвеев прочитал свое «Слово о Пушкине». После этого звучали стихи Пушкина, пел русский хор и были поставлены две сцены: «Келья в Чудовом монастыре» и «В корчме».

Весьма близки японцам были философские идеи толстовства. Первым представителем этой семьи, посетившим Японию, стал второй сын великого писателя Илья Львович (1866–1933). В 1917 г. в Японии побывал третий сын Толстого Лев Львович (1869–1945). Наконец, добралась до Японии и младшая дочь Александра. Формальным поводом ее приезда в октябре 1929 г. было «чтение лекций о Толстом и изучение преподавательского дела в Японии». Разрешение на временный выезд из России ей удалось получить благодаря приглашению японских газет «Токио Нити-Нити» и «Осака Майнити».

К приезду дочери писателя японцы издали на японском языке ее книгу «Трагедия отца. Смерть и уединение Толстого», увидевшую свет в переводе Осэ Кэйси в Токио в 1929 г. Вместе с Александрой Львовной в качестве секретаря и помощницы в Японию приехала ее компаньонка О.П. Христианович с дочерью Марией. Они поселились в местечке Асия возле Кобе, откуда Толстая регулярно ездила по стране для чтения лекций и встреч с японской общественностью, на которых рассказывала об отце. Кроме лекций, Александра Львовна преподавала русский язык. В 1930 г. она издала на японском языке свои воспоминания «Торусутои но омоидэ: (Воспоминания о Толстом)». Их перевел Масутаро Кониси (Matsutaro Konishi), который познакомился с Л.Н. Толстым, находясь с 1887 г. на обучении в Киевской духовной семинарии, и в дальнейшем перевел на японский язык несколько его книг. Он оказал огромную помощь А.Л. Толстой в Японии, сопровождая ее во время всех поездок. В 1948 г. Кониси вспоминал о своем знакомстве с писателем в книге «Говоря с Толстым». Н.П. Матвеев был знаком с Кониси Масутаро, которого называл Даниилом Павловичем. «Недавно, будучи в Токио, я посетил Д.П. Кониси, — писал Матвеев. — Он работает над своим капитальным трудом, книгой о Льве Толстом. Жалуются, что труд разросся: написал уже 2200 страничек, а конца все еще не видно... В России г. Кониси бывал несколько раз и в недавнее время, причем однажды ему пришлось быть переводчиком в беседе между известным ниппонским промышленником г. Кухара и... Сталиным»²³.

Николай Петрович считал своим другом и протоиерея Семена Семеновича Мии, о котором писал: «Не так давно этому почтенному иерею исполнилось восемьдесят лет. В свое время, по окончании бывшей Токийской духовной семинарии о. Семен Мии был командирован в Россию, где и закончил одну из русских духовных академий. В настоящее время пребывающие здесь русские эмигранты хорошо познакомились со страной, освоились с языком и могут, по крайней мере, большинство из них, обходиться своим средствами в разных случаях жизни. Не то, конечно, было в начале пребывания здесь... Они не могли вести никаких дел, даже самых маленьких, без посредников, причем платить за услуги большинство эмигрантов, по бедности, не могло. И вот, с самых первых их шагов в Ниппоне им шли на помощь друзья-ниппонцы, среди которых сразу выделился С.С. Мии, который неизменно шел на помощь эмигрантам. Невозможно перечислить всех его услуг эмигрантами и их семьям. С какими только просьбами к нему не обращались! И он исполнял их, не стесняясь временем и состоянием собственного здоровья. По ходатайству митрополита Сергия высшая церковная власть предложила о. Семenu сан епископа, но он от этой чести отказался, ссылаясь на нездоровье. Несмотря на преклонный возраст о. Семен Мии еще бодр и по-прежнему служит в церкви и оказывает возможную помощь всем к нему обращающимся»²⁴.

Н.П. Матвеев был дружен с профессором химии Петром Петровичем Веймарном, приехавшим с супругой в Японию в 1921 г. благодаря научным связям с японскими исследователями. Они поселились в Кобе, а работал русский химик в Осака, в Императорском научно-исследовательском промышленном институте (Imperial Industrial Research Institute), где ему предоставили должность профессора-исследователя и руководителя лаборатории коллоидной химии²⁵. Николай Петрович написал в связи с двухлетней годовщиной со дня смерти Веймарна: «Мы считаем своим долгом напомнить об этом выдающемся человеке. Он должен быть нам дорог не только как талантливый человек, но и как громадная культурная сила... В своих «Очерках по энергетике культуры» он горячо ратовал об образовании в России и о наиболее рациональной его постановке. В упомянутых очерках П.П. высказал довольно простым языком много интересных мыслей и нельзя не пожалеть, что эти мысли будут похоронены в специальном, мало распространенном издании. Особенно горячо он проповедовал необходимость развития естествознания. В истории развития русской культуры он должен занять свое место среди немногих десятков

русских людей и тело его должно быть похоронено на родной земле, когда наступит час Русского воскресения»²⁶.

Очень много статей Н.П. Матвеев писал для харбинского журнала «Рубеж». Несмотря на сложное время русские эмигранты-туристы любили приезжать в Страну восходящего солнца. Поэтому Матвеев стал регулярно рассказывать о японских достопримечательностях²⁷ и обычаях²⁸.

Японская погода не баловала русских жителей. Об одном урагане Матвеев писал: «Среди пострадавших в Кобе и окрестностях оказались и русские эмигранты. Одна большая семья из семи человек едва спаслась полуодетой из дома, и этот дом после этого был унесен потоком. Одна эмигрантка, находившаяся на втором этаже этого дома, была унесена вместе с домом и протаскана несколько кварталов вниз, где, израненная, избитая, с большим трудом была извлечена. У некоторых погибло все имущество. Некоторые семьи оказались разьединены и долгое время ничего не знали о судьбе своих близких. Судьба кое-кого из эмигрантов неизвестна пока и до сих пор»²⁹.

Николай Петрович Матвеев скончался 8 февраля 1941 г. Перед смертью он долго болел и уже не мог зарабатывать на жизнь. На помощь пришли друзья-японцы, которые не только собрали деньги на лечение, но и взяли на себя содержание семьи Матвеева. В одном из последних писем Н.П. Матвеев писал: «В феврале [1940] я отправился по своему делу в Токио и здесь произошло со мной такое, что и я сам, и другие полагали, что дни мои сочтены. Был я без того не здоров (сердце). Отчасти это было последствие наводнения, бывшего в Кобе в позапрошлом году. Здесь в Токио, сходя с трамвая я был толкнут напиравшей сзади публикой, и упал на тротуар. Причем зашиб левую руку и что-то отшиб внутри. Начались скитания по докторам и больницам, пока мои старые друзья Тодоровичи не взялись за дело и не устроили меня в больницу доктора Микава. Здесь я пролежал 25 дней. По выходе уехал к себе в Кобе. Во время болезни мне оказывали возможную помощь, прежде всего, чета Тодоровичей, затем Ватанабе-сан, бывший консул во Владивостоке, а затем кобейские эмигранты. Оказалось, действительно «не без добрых душ на свете». Помогали также М.М. Люри и старый русофил Курода-сан (сотрудник «Ничи-ничи-сисмбун»). Мне предписали спокойствие и отдых, то есть то, что для меня почти недостижимо, хотя бы по недостатку излишних средств. Кроме того, у меня на руках старуха-жена, также имеющая почти 70 лет, всегда больная»³⁰.

Журнал «Рубеж» писал: «Мир праху твоему, дорогой друг! Такова надпись на прекрасном гранитном памятнике на кладбище в г. Кобе на могиле покойного Николая Петровича Матвеева. Памятник поставили покойному его друзья ниппонцы, которые, помимо того, как только узнали о болезни Ник. Пет. и его затруднительном материальном положении, собрали значительную сумму денег, приняли лечение на свой счет, а после смерти положили приличную сумму в банк на имя жены покойного. Покойный был редкой души человек, который смело мог служить примером для других. Больше полвека он провел в общественной и литературной работе, сотрудничал почти во всех газетах и журналах Дальнего Востока и за границей. Своей скромностью, трудолюбием, честностью и готовностью оказать каждому помощь и услугу, он привлекал сердца знающих его, что и было оценено его многочисленными друзьями ниппонцами, сделавшими для него то, что мы, русские, не могли сделать, и нельзя не отдать должного уважения и глубокой благодарности таким друзьям. В день смерти Н.П. было получено много телеграмм почти со всех городов Ниппон, Маньчжурии, а также от старейшего друга покойного Оото-Какумии из Монголии. Главными инициаторами помощи были: г-н Дайко (ныне покойный) и господа Ватанабэ, бывший консул во Владивостоке, Оками — секретарь торговой палаты в Кобе, Секино — председатель Русско-Ниппонского о-ва, Курода — редактор газеты в Токио, Симода — бывший посол в Эстонии, Кавасуми, Мурата и многие другие. 10 августа с.г. в полугодовой день смерти Н.П. состоялось освящение па-

мятника в присутствии родных, знакомых и почитателей покойного. От друзей-ниппонцев присутствовал г-н Кавасаки и др.»³¹

Автор выражает благодарность русскому библиографу Гавайского университета Патриции Полански и заместителю председателя Музея русской культуры в Сан-Франциско за материалы о жизни Н.П. Матвеева.

1. Дневники Святого Николая Японского. СПб.: Гиперион, 2004. Т. 4. С. 746.
2. *Амурский Н.* Реклама в Японии // Владивосток. 1903. 2 февр.
3. Собр. Общества изучения Амурского края (Владивосток).
4. Б-ка Общества изучения Амурского края (Владивосток).
5. От редакции // Природа и люди Дальнего Востока. 1906. № 27. С. 1.
6. *Oba Kageaki* Kako zenshu. Tokio: Kako Zenshu Kankokai, 1925. С. 24.
7. Инф. // Воля. Нагасаки, 1906. 13 сент. (№ 62).
8. *Госткевич Г.* Письма Брониславу Пилсудскому. (Б-ка Польской Академии наук в Кракове Подлинник Рукоп. № 4646, т. 1, л. 49–55. Пер. с польс. И.Ю. Сирак. Подг. и публ., комментарии В.М.Латышева). URL: <http://www.icrap.org/ru/gostkevich.html>.
9. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1767 (Об издании газ. «Далекий край»). Л. 1.
10. *Хияма С., Моргун З.Ф.* Жизнь Н. Матвеева в эмиграции в Японии // Изв. Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. 1997. Спец. вып. С. 219.
11. *Амурский Н.* Первая поездка в Японию // Дальневост. звезда. 1910. № 47.
12. *Oba Kageaki* Kako zenshu. Tokio: Kako Zenshu Kankokai, 1925. С. 37.
13. Собр. А.А. Хисамутдинова.
14. Музей русской культуры в Сан-Франциско. Коллекция Д.П. Пантелеева. Письмо от 7 янв. 1940.
15. *Амурский Н.* Питомник — вместо тайги. Разведение лисиц в Ниппоне // Рубеж. 1938 № 9 (26 февр.) С. 5–6, ил.
16. *Амурский Н.* Русские в Ниппоне // Рубеж. 1938. № 8 (19 февр.). С. 7–8, ил.
17. *Амурский Н.* Молодежь объединяется... Кружок русской молодежи в Кобе // Рубеж. 1930. № 45 (1 нояб.). С. 15, ил.
18. *А-ский Н.* Дружно на помощь бедноте! Деятельность Русского женского благотворительного общества в Кобе // Рубеж. 1937. № 24 (12 июня). С. 19, ил.
19. На помощь ближним...: На балу дамского Благотворительного кружка в Кобе // Рубеж. 1934. №. 27 (30 июня). С. 10, ил.
20. *Н.А. (Кобе)* В Хороводе святочных развлечений. В эмиграции мы не забыли «родных обычаев старины» // Рубеж. 1938. № 6 (5 февр.). С. 11, ил.
21. *Н.А-ский.* Русские в Японии // Прожектор. 1934. Т. 3, № 40 (29 сент.). С. 5, фото.
22. *Амурский Н.* Ислам в стране Восходящего солнца. Успехи магометанства. Роль русских татар. Новые мечети и школы // Рубеж. 1938. № 4 (22 янв.). С. 4–5, ил.
23. *Амурский Н.* Ниппонец, сотрудник Льва Толстого // Рубеж. 1937. № 35 (28 авг.). С. 14, портр.
24. *Амурский Н.* Друг русских эмигрантов в Ниппоне // Рубеж. 1938. № 35 (27 авг.). С. 4, портр.
25. *Хисамутдинова Н.В.* Химик Петр Петрович фон Веймарн в России и Японии // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 2011. № 5. С. 134–141.
26. *Амурский Н.* Памяти большого русского человека // Рубеж. 1937. № 30 (24 июля). С. 19, портр., ил.
27. *Амурский Н.* Героизм и скромность... Паломничество к дому генерала Ноги // Рубеж. 1938. № 23. (4 июня). С. 5, ил.
28. *Амурский Н.* Где машины не заменят рук... Кустарная промышленность в Ниппоне // Рубеж. 1938. № 33 (13 авг.). С. 5, ил.
29. *Амурский Н.* Стихийное бедствие в Ниппоне. Наводнение в Кобе и его окрестностях // Рубеж. 1938. № 30 (23 июля). С. 3, 6, ил.
30. Музей русской культуры в Сан-Франциско. Коллекция Д.П. Пантелеева. Письмо без даты.
31. *Никольский А.А.* (Кобе, 1941, сентябрь). Трогательный жест ниппонцев в адрес русской эмиграции // Рубеж. 1941. № 39 (27 сент.). С. 16: фото.